

Когда поет хор, отдельные голоса не слышишь: они затем и собраны вместе, чтобы сделать то, что не под силу никому в одиночку. Поэт, напротив, всегда солист. И если он бас — его будет слушать зал или площадь, а если лирический тенор — лучше взять его книжку и остаться с ней наедине. Но в обоих случаях многое зависит и от читателя: он должен обладать музыкальным слухом, даром сопереживания.

Стихи Раисы Котовской — перед вами, читатель, ее первая книжка в столичном издательстве — на многолюдную аудиторию не рассчитаны: она собеседник, а не оратор. Может быть, поэтому говорит она так, как говорят с близкими людьми — делятся радостью или огорчением, ищут сочувствия или участия. И в этом, наверно, заключается та особенная черта ее человеческого склада и привлекательность поэтического дарования, которая выделяет ее среди дебютантов: она не создает «произведения», она рассказывает о том, что ее волнует, как наверняка рассказала бы и в том случае, если бы просто говорила с вами. В разряд же поэзии ее

стихи попадают по той счастливой причине, что видит она все с поэтических высот Прекрасного и Великодушного.

С одного давнего уже теперь творческого семинара мне прочно запомнилось вот такое, например, стихотворение:

Как путается вьющийся дымок!
Размахивая гривую свою,
Спешит в Очаков шустрый катерок,
Тревогу в полусне лимана сея.

И выглядят отважно па волнах
И дым его, и нос его курносый,
И пена на раскрашенных боках,
И глаз иллюминатора раскосый.

Кто отпустил задиру далеко,
Где и судов поблизости не видно?..
А я машу, машу ему платком.
И страшно за него, и чуть завидно...

А разве не тем же пронзительным человеческим участием находят ответный отклик такие стихи как «Панцирь», «Я люблю тебя...», «Видишь, там, на крутом берегу...», «Любимый мой, а где же соловьи?..», «Разлука»?

Сборник Раисы Котовской невелик. Вместе с тем, он неизбежно и некий итог. Мне лично приятно встретить в нем рядом с удавшимися стихами о любви, о природе стихи об отце, о детстве, за которыми явственно проглядывается время, о потерявшемся в городе коняге и уж совсем «неожиданные» в лирическом сборнике стихи на исторические темы; они свидетельство углубляющихся интересов, поисков.

Раиса Котовская — поэт завидно молодой, но она многое успела увидеть и пережить как человек и понять как художник. Сейчас она заканчивает Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР, и ей самое время вынести свою работу на суд читателей. Мне хочется ободрить ее и пожелать удачи от всего сердца.

Алексей СМОЛЬНИКОВ

Станция формирования

Сижу с утра на подоконнике
И наблюдаю до темна
Как машинисты и вагонники
Спешат на станцию... Она
Гудит, дымится, беспокоится
И все зовет к себе, зовет...
Придет отец, вздохнет, умоемся,
Раздаст гостинцы и уйдет.
И мне опять легко и боязно,
И мне не спится оттого,
Что пахнет далью, степью, поездом
Шинель рабочая его,
Что ветки гнутся и качаются,
И в окна просятся ветра,
И что Отчизна не кончается
Оградой нашего двора.

Сестер полуголодная орава
Затеет о нарядах зряшный спор,
И мама тихо вымолвит, бывало:
«Мы строимся — какой тут разговор!»
Мы строились. Родителям по силе
Мы помогали в ревностном пылу,
Саман месили и кирпич носили.
Л ночью крепко спали на полу.
Мне снился дом высокий и красивый,
И я не знала, что не мне одной.
Недоедая, строилась Россия,
Израненная страшною войной.

* * *

Мама штопала. Пламенем острым
В темной печке краснели дрова.
Перессорившись, старшие сестры
На скамейке плели кружева.
Мимо снежная буря летела,
В окнах белая хмара плыла.
Мать на нас незаметно глядела
И пытливые речи вела.
Кто крутился вчера у калитки

В пиджачишке и в шапке большой?
Ладно, если повадился к Лидке,
Ну а ежели к нашей, старшой?
Мать тревожилась. Сестры молчали.
Слышим стук. Вроде некому быть...
Поняла я: дожди постучали.
И отправилась дверь отворить.
Вышла, вижу: прорехи проталин
Мама штопает в мартовском дне:
— Показалось? Иль вправду стучали?
— Показалось... но это ко мне.
Птичьим гомоном даль говорила,
Таял лед, и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

* * *

Как путается вьющийся дымок!
Размахивая гривую свою,
Спешит в Очаков шустрый катерок,
Тревогу в полусне лимана сея.
И выглядят отважно на волнах
И дым его, и нос его курносый,
И пена на раскрашенных боках,
И глаз иллюминатора раскосый.
Кто отпустил задиру далеко,
Где и судов поблизости не видно?..
А я машу, машу ему платком.
И страшно за него, и чуть завидно.

Ночью

За три часа от Тулы до Москвы
И выспаться бы можно, да тревожно,
Когда в окне темно до синевы,
А буксы накаляются безбожно.
Постукивает дверь. Летим и спим.
Стоянкою порой обеспокоен,
Очнется пассажир: «Зачем стоим?»
И вновь уснет, закрыв лицо рукою.
Скользнут пристанционные огни —
И по вагону облако промчится,
Высвечивая простыни, ступни,
Уснувших обезволенные лица.

И явно я увижу над собой
Сквозь беглое неясное свечение
Судьбу, соединенную с судьбой,
И снов людских безмолвное течение.
Но, преодолевая их гипноз,
Опять схожу с подножки на стоянке,
И вновь меня на каждом полустанке
Легко встречает утренний мороз.

Детство

Где-то бабахнет в ночи.
Что-то в стекло застучится.
Кто-то вбежит и вскричит:
«Град перебил черепицу!»
Молния зыркнет во мгле,
Спрыгну с постели, спросонья
Большой беды на земле
Просто еще не припомня.
Значит, не зная пока...
Будто не в городе сонном
Мчит грозовая река,
А в мирозданье бездонном!
Через мгновенье пойму,
Думая, что это было:
Снова в отцовском доме
Детство меня посетило.

* * *

— Где нога твоя, деда Игнат?
— На войне потерялась она.
— Так сходи на войну за ногой!
— Не найду и вернусь без другой...
И сидят на полу, говорят
Мальчик Гена и деда Игнат.
И тачает Игнат сапоги
Внуку Гене на обе ноги.

Синий берет

Мама купит мне синий
Немодный берет
(Вот на что она деньги копила!),
Тот, который себе

В молодые года
Так хотела купить — не купила...
Выйдет на люди
Вместе со мной, оглядев
Весь мой облик чужими глазами,
Просветлеет, довольная делом своим
Я не хуже людей на базаре.

Тетя Валя ей встретится,
Заговорят.
Буду рядом стоять не мешая.
Мама скажет, взглянув на берет:
«Это дочь».
Тетя Валя похвалит:
«Большая».

Тетя Паша ей встретится,
Заговорят.
Снова буду стоять, не мешая.
Мама скажет и ей:
«Это младшая дочь».
Тетя Паша похвалит:
«Большая».
Толку в том, что большая...
Но счастлива мать,
И стою, что княжна на портрете,
Воплощением маминой
Синей мечты
О достатке, красе и берете.

В ночном лесу

Что за прялка в глухое предзимье
От земли до мерцающих звезд
Тянет темные нити осинок,
Тянет белые нити берез?

Что за пряжа протяжно запела,
Порываясь неслышно вздохнуть?
Все поет кое-как, чтоб за делом
Ненароком в ночи не уснуть.

Эта песня стара, как поверья,
Полнит душу брожением сил
Очень древних, как эти деревья,

Как смоленные избы Руси.

Это вьюга поет надо мною
О заплаканной вдовьей судьбе,
Все поет, и прядет, и порою
Чуть качает мою колыбель.

На пасеке

Дед на днях обзавелся пасекой.
Деду нужен пчелиный яд.
Так укусами разукрасили
Пчелы деда, что сам не рад.

Избегает соседей нынче он,
Все конфузится, прячет взгляд...
Но встречает меня улыбочиво
И уводит в гудящий сад.

Называет меня по отчеству,
Придвигая то мед, то чай...
И смеяться, и плакать хочется,
На него взглянув невзначай.
Мы в беседке сидим, беседуем.
Не до меда. Смятен и тих,
Дед на пчел то и дело сетует,
Объясняя повадки их.

А глаза у него веселые!
Будто мне и не мне одной,
Говорит он, что люди, как пчелы,
Без нужды обижают порой.

«Только, внучка, что толку дуться
На обиды и жить, как в дыму!
Даже если обиды придутся
Прямо в сердце — на пользу ему...»

Я в ответ головой киваю.
И за доброе слово в долгу,
Говорю, говорю и страдаю,
Что, как дед, ободрять не могу.

Но в словах не осталось горечи.
Смотрим — вечер уже настает,

А на сердце как будто солнечней.
Все вкуснее пчелиный мед.

На родине

Давно ветров осеннего дыханья
Не слышит безотзывная земля,
И не шумят, не требуют вниманья
У нашего порога тополя.

Как в детстве полупамятном и дальнем,
В провинциальной дремлющей глуши
Все кажется мне мир исповедальней
Восторженной доверчивой души.

Завижу поезд с полной трубкой дыма,
Заслышу вольный говор журавлей —
Пою, пою... и песня уязвима,
Как сердце уязвимо у людей.

Взрослый друг
Его я не боготворила,
Хоть взрослый друг — большая честь...
О том, что будет, говорила,
Он говорил о том, что есть.

Когда мне лет семнадцать было,
А показалось, что не счесть, —
О том, что было, я твердила.
Он говорил о том, что есть.

Когда молва меня осудит,
Бедой дохнет дурная весть, —
Расскажет друг о том, что будет,
А я в слезах — о том, что есть.

И вот, впервые вспоминая,
Как отводил он взгляд порой,
Как будто видел между нами
Еще не прожитое мной,

Замечу я: не понимает —
А вспоминает он меня,
И путь в былое совершает
Вплоть до сегодняшнего дня.

А этот путь крутой и людной.
Здесь столько бед еще и дней!..
Ему ко мне вернуться трудно,
Но мне догнать его трудней.

* * *

Промчалась эта осень
Очень быстро
С дарами лета красного в руках,—
И второпях она теряла листья,
Лучи, дожди и яблоки в садах.

Глядела я, глазам своим не веря,
Как лето исчезало из дубрав,
И думала об осени: «Растеря»,
Залетный лист в подъезде подобрал.

Ну вот, прошла пора очарованья...
Свободно по задумчивым дворам
За ней прошла и разочарованья
Такая ж мимолетная пора.

И может, завтра около рассвета
Внезапно зрелость явится ко мне,
Когда рекой безжалостного света
Морозный снег объявится в окне.

Стихи о Железноводске

Разновысокие дома
В листве желтеющей зарыты,
Дворов глубоких полутьма
С бельем и теплым духом быта.
Средь неожиданных ходов
И многочисленных ступеней,
Впитавших зной и холодок,
Дурманы всех былых цветений, —
И заплутаться здесь не грех
В тот праздник радостный, нежданный,
Когда уже созрел орех,
И осыпаются каштаны,
Стуча в полдневной тишине,
Царящей на исходе лета,
По плитам пористых камней,

По крышам, солнцем разогретым;
Когда внезапно наугад
Сорвется лист паляще-красный,
Кружа и плавая в пространстве,
К себе приковывая взгляд.

* * *

Ты станешь добрее и проще,
Твой лик осветлит листопад,
Когда отшумят твои рощи,
И птицы твои улетят.
Тогда б нам и встретиться чудом!..
Но только, другого любя,
Я к этому времени буду
Опять далеко от тебя.
Во времени мы разминулись
Всего лишь на несколько лет.
И только в толпе оглянулись
Внезапно друг другу вослед.

Снегопад

Тишина. Даже слышно, как свет
От земли белоснежной струится.
Даже слышно, как падает снег:
Покружит, покружит и ложится.
Хорошо-то как, господи... Грусть
В снегопаде неспешном и вольном
Или радость — не знаю, боюсь:
Мне от них одинаково больно.
Как легко в эти дни я тружусь!
Не хожу, а летаю как будто.
Покружу, покружу и ложусь,
И опять начинается утро.
И опять в продолженье вчера
Светлый путь совершаю по кругу,
И опять, начиная с утра,
Свет и снег переходят друг в друга

Когда, одна в своей судьбе,
Живу я без огня,

Я так завидую тебе,
Что любишь ты меня!

Вот так завидует в душе
Стареющий юнцу,
Поэт, прославленный уже —
Безвестному певцу,

Унылый — радости людей,
Богатый — бедняку...
А ты все просишь: «Пожалей
Любовь мою, тоску».

* * *

Видишь, там, на крутом берегу,
Где проносятся вспышки огня,
На ветру, удилами звеня,
Белый конь поджидает меня.

Он стоит у вечерней воды
И такое терпенье хранит,
Что ковыль у колен молодых
Синим пламенем молний горит.

Это длится не год и не два.
Мне тяжка его верность в ночи.
Захотевшая бега едва,
Знаю: свистни, вскочи — и умчит

Прогоняю его — не идет.
Накричу на него — промолчит.
Гляну — это лишь месяц плывет
И огромную гриву влачит.

Панцирь

Вот рачок вдоль речки ковыляет.
Мал еще, но панцирем оброс.
Что с того, что панцирь защищает!
Он на долго сковывает рост.

Я рачку советую: «Бросай ты
Панцирь свой тяжелый! Он таков,
Что тебя не очень-то спасет
И от самых маленьких врагов!

Вырастешь огромным ты на завтра,
Ил отмоешь с мордочки и грязь
И пойдешь, похож на динозавра,
Никого на свете не боясь!»

Рак вздыхает: «Панцирь много значит.
Ведь враги большие у меня»
И глаза задумчиво таращит,
Горестно усами шевеля.

Ну, вот и мой сентябрь настает
И что ни день судьбу мою иначит.
Я знаю, что пройдет и мой черед
Быть молодой и праздновать удачи.

Шумят, шумят на родине дворы
Разноязыкой музыкой и пеньем,
Идут, идут осенние пиры
По случаю зарплаты, воскресенья...

Ты потерял любимую во мне,
А я в тебе — любимого и брата...
Ну, что же, одиночество вполне
Мной честно заработанная плата.

Я золота нисколько не коплю,
А вот слова на ветер не бросаю.
Ах, как я воскресения люблю!
Но невпопад и редко воскресаю.

Люблю, люблю изменчивый сентябрь
С приметами и осени, и лета.
Как бабочка, вмурована в янтарь
Неяркого рассеянного света,

Потрачу одиночество на труд
Порою колдовского воскресенья,
Пока пиры по улицам идут
В избытке изобилья и веселья.

Подруге
А ты все смотришь на меня

Со дна своих печалей
В ночи глубокой, в шуме дня
С бедою за плечами.
В таком краю в твоей судьбе,
Где долго ты не пела,
Куда на помощь я к тебе
Когда-то не успела.
Меня за это не виня
И не коря молчаньем,
Ты просто смотришь на меня
Со дна своих печалей.

На реке Куме

Обмелела Кума, обмелела...
А бывало, затают снега —
И она побежит ошалело,
Подмывая бежать берега.

А домишки, зажмурив ресницы
Синих ставен, толпились вдали
И боялись к реке подступиться
Во владенья песчаной земли.

Не купаются люди и кони
В той реке. По ее берегам
В лебединой изогнутой пойме —
Ржавый лом и бессовестный хлам

Вижу: круглые вывернув губы,
В облысевшей земле, на краю,
Выливают бесшумные трубы
Что-то липкое в воду твою.

И под ивой засохшей, согнутой
Жирным слоем по зеркалу вод
Акварельная магма мазута,
К берегам прикипая, плывет.

Что же делать? Искать виноватых?
Я стою и смотрю тяжело.
От восхода зари до заката
По Куме мое детство прошло.

В июле

Лишь начинал пересыхать бурьян
Под солнечным полуденным гореньем
Плыл над лугами плотный, как туман
Тяжелый дух пахучих испарений.

Я не превозмогала этот чад.
Июль дышал, мою смущая душу
Дыханием живым. И по ночам
Листвою пахла теплая подушка.

Как будто тополь сладко спал на ней
И, спохватись перед моим приходом,
Ушел тайком, теряя пух с ветвей,
Задворками, бегом — по огородам!
И вслед за ним гналась в ночной тиши
Ленивая собачья перепалка...
Мне не спалось. Мне так хотелось жить,
Что засыпать до боли было жалко.

Царь Павел

Зацарствовала мать Екатерина.
В салонной суете ей дела нет,
Что надо бы поцарствовать и сын
Павлуше далеко за сорок лет.
Считает он тайком, во что ей стал
Война, любовник, новый туалет...
Она всерьез уверена, что старость
Скрадут наряд и крупный интеллект
Она несет себя по этикету
Под взглядом обойденного сынка:
Рыхлы, где не охвачены корсетом,
Волнуются старушечьи бока.
Ах! Лестно быть в Европах на примете
С недамскою ученостью своей!
Поэты в восемнадцатом столетье
Гордились просвещенностью царей.
Упрятанный в удел сырой и дальний
От злого празднословия дворца,
Все бражничает Павел в ожиданье
Положенных и трона, и венца.
Уже плешив, еще он ходит в принцах.
И, хоть и робок, но в хмельном дыму
Сулит чины большие и бранится

Несообразно званью своему.
Потешный двор, игрушечные страсти
Вокруг него... Всем миром позабыт,
Потом ужо дорвется он до власти,
Припомнит и по-царски отомстит.

Дворник

«Подними! Обронила листок!» —
Я березке скажу, и на миг
Вдруг покажется мне, что листок —
Пожелтевший ее черновик.

Но березка его не берет:
Отжило, не приклеить вовек...
Сплю и слышу, как листья метет
Одинокий, больной человек.

По асфальту метелкой скребя,
Жжет костер, наклонясь тяжело,
И бормочет почти про себя:
«Не приклеить, навек отжило...»

Дорожное происшествие

По улице проехала телега.
Коняге на унылые бока
Ложились хлопья тающего снега.
И не было в телеге седока.

Наверное, какой-нибудь прохожий,
Застав коня случайно одного,
Задумал пошутить: подергал вожжи
И по-хозяйски цокнул на него.

И конь пошел, пошел неторопливо,
Понюхивая мерзлые следы,
Наверное, по-своему счастливый,
Что нынче он не чувствует узды.

Но пары ярких фар — одна, другая,
Из утренней выныривая мглы,
Неслись к нему, горя и не мигая,
Заборы огибая и углы.

Конь пятился, отфыркиваясь паром,

Телега подступала тяжело,
И вдруг, полуослепшего, на фары
Машин его зачем-то понесло.

Забывшего дорожные системы,
Где всяк держись потока, стороны,
Его несло на клумбы и на стены
До новой клумбы, тумбы и стены...

Ударил выстрел правильно и жестко.
И встало все на прежние места.
Виднелись в опрокинутой повозке
Отходы пищевые для скота.

Подъехал грузовик, подняли разом
Коня, телегу. Вилось воронье.
И конь смотрел же остывшим глазом
На краткое безумие свое.

Весеннее воскресенье

Над лесом, над полем, над мартовским садом,
Среди подобревших лучей,
И выше, и дальше, над миром, над чадом —
Широковещанье грачей!

Вставай, просыпайся! Грачи прилетели.
Зима отбывает. А с ней
Дымясь, восвояси уходят метели,
Лениво вставая с полей.

Туда, за овраг, где чернеют полянки,
С крыльца, как моряк с корабля,
Мальчишка в огромной отцовской ушанке
Орет: «Показалась земля!»

Какие снега были этой зимою!
По горло, по крышу жилью.
И в спячку хотелось уйти нам с тобою,
Подобно лесному зверью.

Но все обошлось. И грачи закричали.
Я думаю: как хорошо!
Мы прошлой зимой пережили печали
И не одичали душой.

Не говори, что я сурова,
Что ожидаю я другого...
Не жду я нынче ничего
Помимо маленького слова,
Но в целом свете — одного.

Оно само придет — я знаю
Без оправданий, без прикрас.
Когда его я угадаю,
То, значит, песня удалась.
Запутан чарами ведуньи,
Вот так Садко сробел на миг,
Ища подругу молодую
Среди похожих, но других.
От них, от каменных и стылых
Страшась, отдергивал ладонь...
И лишь одна ЕГО любила,
И выдавал ее огонь.

Прощание

Пора погодить, оглядеться,
Где солнце, где лес голубой...
Любовь пробралась в мое сердце
Еще до знакомства с тобой.

И так же ушла самовольно
Еще до прощания с ней.
Мне стало не страшно, не больно
К душе прикоснуться твоей.

И думала я, холодея,
Проснувшись в полночной глуши:
Зачем равнодушно владею
Я тайнами этой души?

Да, я тебе крылья связала,
Когда, оставаясь в тепле,
Любовью тебя обязала
Встречаться со мной на земле.

Так что же похожи мы нынче
На маленьких глупых ребят,

Что стукнулись лбами, и, хныча,
Сердито друг друга винят?..

Раскрою окно — занавески
Пугливо отпрянут в жилье,
И ветер повеет вселенский,
Как прежде, в окошко мое.

Любовь

Ты вновь незаметно уходишь
В молчанье своем затаен,
Мосты не сжигаешь — разводишь
До мне неизвестных времен.

Надеждой даришь на прощанье,
Чтоб чудилось мне, что вот-вот
Мое неземное отчаянье
Обратно тебя позовет.
Нет, пусть тебе больше не мнится,
Что я во владенье твоём
Живу то ручною синицей.
То диким степным журавлем!

Но снова стучишься ты робко
Пройдя сквозь полуночный сад
Неслышной и легкой походкой
Как ходит лесной листопад.

И губы свои, как чужие,
Я дрогнувшей крашу рукой,
И кружатся дни золотые,
Как вихрь по земле молодой!

И счастье в глазах твоих серых!
Сестер обманувшая вновь,
Одна, без Надежды и Веры
Меня посетила Любовь.

* * *

Капнет быстрая капля весенняя
В кадку, полную талой воды -
И рассеется в ней на мгновение
Отражение ближней звезды.

Свистнет поезд, взметнется метелица,
Треснет ветка в лесной глубине -
И тогда на мгновенье рассеете
Образ твой, отраженный во мне

И пока он отсутствует, слушаю,
Осязаю, не видя, везде
Только эту звезду, утонувшую
В искаженной холодной воде.

В ясный полдень я не слышу,
Как настраивает струны
Ливень, чтобы зазвучала
Удивительная арфа.

В ясный полдень я не вижу
Облаков: они до срока
Глубоко запали в небо
Вместе с пухом тополиным.

Ты чужой еще, ты рядом.
Но присутствие живое
Назревающего счастья
С беспокойством ощущаю.

* * *

Я люблю тебя.
Странно люблю:
Не молюсь я
Твоей простоте,
И за руки тебя
Не ловлю,
Удивляясь
Твоей красоте.

И томит меня
Светлая боль,
Что как жизнь,
Как ребенка — любить
Я умею тебя,
А любовь
Вот такую

Нельзя утолить
Ни свиданьем
Над лунной рекой,
И ни страстью...
Вся теплая грусть
Обернется
Пустою тоской,
Если вдруг я
К тебе прикоснусь.

Лель

Этот русский любовный божок
Некапризный и тихий ребенок.
Он плетет в липняке сапужок,
Он играет ветвями черемух.

А когда он на днях проходил
За межою колхозного сада, —
Ты свистульку ему смастерил,
Я дала ему гроздь винограда.

И, чураясь разбойничьих игр
Ребятишек, галдящих у окон,
Он шагнул в прошлогодний троп
Оглянувшись на нас одиноко.

Но покуда стоял он в тени
У плетня с осторожностью лисы
Ты шепнул изумленно: «Взгляни
На плетне распускаются листья...»

Лесной костер

Гори, костер!
Легко мне и тревожно
Беречь во тьме
Огня короткий век:
На свет в лесу приходят осторожно
И добрый, и не добрый человек.

Гори костер, костер лесной!
И может статься,
Любимый спросит: «Страшно у огня?»
И я солгу: «Мне нечего бояться,

Когда ты, милый, около меня».

Разлука

Этой осенью непогодь, морось...
Не опишешь всего вкоротке,
Что случилось и перемололось
Здесь со мной от тебя вдалеке.

Видел ты по лесам на рассвете,
Как у взрослых осинок порой
Осыпаются мелкие ветви
Наравне с запоздалой листвой

Забываю и я, забываю
Добрый взгляд твоих пристальных глаз,
Как осина – побеги, роняю
Все, что помню и знаю о нас

И хотелось бы помнить, да больно.
Потому и пою, и живу,
Что роняет душа самовольно
Эту память, как ветки, листву...

И меж нами растет расстоянье,
Заполняется днями, людьми
В этой поздней поре убыванья
Листьев, света, тепла и любви.

* * *

В твои глаза взглянула и забылась.
И длилось, длилось это забытьё...
Когда очнулась — все преобразилось
За долгое отсутствие мое.

Которое уже? — цветенье сада
Вокруг дымится, прямо из земли
Вскипевший хмель пролился за ограды,
В цветной пылице купаются шмели.

Весенний воздух легкий и тенистый
Весь перебит душистою листвой,
Весь пересыпан щебетом и свистом
И околдован солнечной игрой.

Его тепло мы пьем нетерпеливо

Медовое и горькое на вкус, —
Ты от него становишься счастливым,
Я от него печальной становлюсь.

* * *

Я все в тебе люблю:
И тридцать лет,
И дум твоих невинное согласие,
И страсть твою...
Но будущего нет
У нашего ворованного счастья.

Над нами август
Крылья распростер.
Куда ни кинься — трепетно и грустно
Везде я вижу
Гибельный простор
Для твоего доверчивого чувства.

Мой дивный август!
Ржавчина листа,
Полеты звезд, семян и паутины...
Как грустно
Целовать твои уста,
Отравленные горечью рябины!

* * *

Любимый мой, а где же соловьи?
Оглохли и воронами кричат.
К нам в окна ветры ветками стучат,
Раскачивая здание любви.

Оно не поддается и дрожит,
Но знаю, что не выстоит, хоть плачь.
Ну, не смотри на мой унылый вид,
Свидетель снов моих и неудач!

Я завтра же забыла бы о них.
Зачем ты видишь жалкое вранье
Бессилья моего в какой-то миг,
Когда во мне все борется мое?

Зачем ты наблюдаешь иногда,
Как я смеюсь, не ведая стыда

За день, убитый мною, ты не знаешь?
Ты для какого страшного суда
Твоей любви улики собираешь?..

Я вижу сквозь прозрачный снегопад
Вороньей стаи низкое паренье
И слепну от внезапного прозренья,
Что ты ни в чем, ни в чем не виноват.

Рябина кудрявая

Листва облетела – потухли леса,
Туман поседел, отгорела роса...

И только рябина одна у села
Горячей и жгучей красой зацвела.

Над нею шумят и осина, и вяз:
«Не стыдно себя выставлять напоказ?»

Придет он к тебе — долгожданный мороз,
Когда на рассвете ты сникнешь от слез.

Но, нет, не узнают ни лес, ни река,
Как будешь теперь ты вкусна и сладка.

* * *

Есть столетья у стран и народов —
Золотыми зовутся они.
У тебя были лучшие годы.
У меня были лучшие дни.

Я тебе ничего не дарила.
Просто в том золотом сентябре
Я горела, сияла, царила,
Словно солнце в хорошей поре.

Отсняла уже, отгорела,
Не оставив о прошлом следа.
Так зачем же меня то и дело
Возвратиться ты просишь туда?

Будто я пред тобою виновна,
Что тогда я другою была,
Все молчу, уличенная, словно
Я и вправду тебе солгала.

Оставь мне память о былом
Хорошей и неполювинной...
Я не жалею ни о чем,
Когда приходишь ты с повинной.

Не важно, из двоих — к кому
Ты вдруг спиной повернулся...
Не то изменой я зову,
Что ты ушел,
А что вернулся.

* * *

Ты говоришь, подаришь жизнь...
Не надо
Обязывать подарком дорогим.
Не сторож я ни слову и ни взгляду,
Ни помыслам рассеянным твоим.
Не сторож, потому не обещаю,
Что сберегу подарок навсегда...
Не дарят жизнь, но, может, посвящают
Как повесть посвящают иногда.

* * *

Веток осенних пучок,
Солнышко посередине, —
Как золотой паучок
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот,
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами...

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо,
Молча в лесной тишине
Слушать природу и небо.

С каждой букашкой дружить,
И ничему не дивиться,
Видя, как белую нить

Тянет железная птица.

* * *

— Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего «Дивана»!

Дм. Кедрин. Кофейня

Очнулся и мечешь перуны...
Никто твоей строчки не крал,
Пока ты настраивал струны,
Другой твою песню сыграл.

И значит, от слова до слова –
Давно уже мир облетев –
Была эта песня не новой,
Не новой, а так, припев...

Придумай к мелодии строки
Такие, чтоб нынче и впредь
Помимо тебя да эпохи
Их некому было бы спеть.

Растрогав запахи лесные,
Прошли дожди в начале дня, -
И вновь весенняя Россия
Открыто смотрит на меня.

Что будем делать мы сегодня?
Как славно дышится с утра!
Листовою пахнет прошлогодней
Дымок далекого костра

Он полнит памятью веселой
С утра мне душу через край,
Как будто снова надо в школу
Бежать на праздник Первомай.

Но, нет, пора мне на работу.
Вон с недоспавшими детьми
Соседи в утренних заботах
Спешат и хлопают дверьми.

Чему-то школа научила,

Чему-то — жизнь, чему-то — мать.
Тепла я в меру получила,
Настало время отдавать.

А мне отдать не жалко жизни,
Когда вот так, в начале дня
Моя весенняя Отчизна
Открыто смотрит на меня.

В лодке

Мы плыли по течению вдвоем.
Лежал ты в лодке, в полдне растворяясь,
Любим и счастлив, зноем разморен,
Внезапной полудреме покоряясь.

Нас медленным течением несло.
Но я лениво в воду опускала
И поднимала легкое весло, —
И теплая вода с него стекала.

О чем ты говорил со мной тогда
Раздумчиво, бесцельно, как с собою?
Слова стекали, как с весла вода,
В речную воду, в небо голубое...

Я ни одной не помнила беды,
Как будто не жила еще на свете.
Казались частью неба и воды
Твои слова беспечные, как дети.

Бабочка.

Как будто легкий ветер треплет
В полете два цветных крыла...

И вдруг влюбленный женский лепет
В ее балете я прочла!

Взгляни, и впрямь она проходит
На женщину, что влюблена!

Недаром бабочкой в народе
Зовется ласково она.

Тот день

О первый день мой трудовой,
Побудь еще со мною!
Вот, ног не чуя под собою,
Дорогою большою
Иду, горда, что мне зимой
Исполнилось шестнадцать,
Что надо поездом домой
С работы добираться.
Алела надпись на груди
У поезда «РАБОЧИЙ», -
Как в шахту, с грохотом входил
Он в приближенье ночи.
Ногами темными стволов
Перебирая быстро,
Бежала роща, строй дымов,
Огни, огни, как искры...
А за последнею сосной
Открылась даль, застыла.
Шоссе струилось под луной,
И в мире тихо было.
В реке не двигалась вода...
В восторге безоглядном
Все-все мне виделось тогда
Доступным и понятным.

* * *

Чудный свет над землей застоится
Где-то в самом конце октября...
Улетают куда-то жар-птицы,
Что удачей и счастьем дарят.

А листва облетает с деревьев...
Иль жар-птицы, прощаясь на год,
Все роняют прекрасные перья,
Чтобы всех одарить наперед.

Ночной ДОЖДЬ

Спала, спала я, пробегая наспех
Сны, полусны... Но где-то в глубине
Во мне не засыпало чувство счастья,
Что мой любимый снова дарит мне.

И дождь не спал, топтался у порога,

И, обронив случайный гром, как грош,
Все во дворе обшарил, перетрогал
Неразговорчивый осенний дождь.

Мне снился дождь. Он был давно немолод
И, мучаясь в бессоннице своей,
Искал он для общенья робкий повод
С душою неуснувшей моей.

И неслучайно мне казалось утром,
Что, весь в дождинках, солнцем ослеплен
Молчал счастливо, выговорясь будто,
У нашего окошка старый клен.

В Минеральных Водах

На станции моей который год —
Зов поездов и запах гари свежей.
Открыт аэропорт, снует народ
Все больше — мимолетный, мимоезжий

И мне не по себе среди него
С моей ревнивой преданностью этим
Домам, полузасыпанным листвой,
И старикам на лавочках, и детям...

Я здесь себе построила жильё.
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, потерялось.

Хожу, ищу по ближним хуторам,
Зову его — ни отклика, ни плача,
И только песни слышу по дворам
И новые, и старые — казачьи.

Ах, паровоз, косматый, словно леший,
Во мгле своих нечесанных дымов!
Я знаю шпалы сделаны для пеших,
А рельсы — для колес, для поездов...
Железный путь, взвивающийся круто,
Железный путь без края и конца,
Но пахнут шпалы хвоей и мазутом,
Как, помню, пахли руки у отца,

Когда, явившись тихо на рассвете
И вымыв руки с мылом во дворе
Давал он леденцовые конфеты
В ревнивые ручонки детворе...
Иду по шпалам. Тает над полями
Лучей июньских нежное тепло,
Перемигнуть с далекими огнями —
И на душе спокойно и светло.